

Научная статья
УДК 343.1

ПРЕДЕЛЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: БАЛАНС МЕЖДУ ГУМАНИЗАЦИЕЙ И СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алексей Юрьевич Терехов,
Московский промышленно-экономический колледж «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия,
terekhov.au@gmail.com
Аида Руслановна Маламагамедова,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация

Введение: в статье анализируется институт заключения под стражу ввиду последних законодательных изменений, направленных на его гуманизацию и ограничение применения к лицам, совершившим преступления ненасильственного характера. Авторами анализируются положения ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), судебная практика, а также позиции отечественных ученых. Делается вывод о постепенном переходе от расширенного подхода применения заключения под стражу к более строгой пропорциональности и необходимости демонстрации реальной общественной опасности личности.

Материалы и методы: в процессе написания статьи были применены формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод и метод системного толкования для анализа содержания новых уголовно-процессуальных норм и оценки нововведений в контексте принципов уголовного судопроизводства. В качестве основных материалов использованы научные публикации, эмпирической основой послужили материалы следственной и судебной практики.

Обзор литературы: вопросы модернизации статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации нашли отражение в публикациях М.Т. Аширбеоковой, В.Н. Боркова, Б.Б. Булатова, А.А. Гамбаров, Л.В. Головки, А.В. Павлова и других авторов.

Результаты исследования: проведенное исследование приводит к выводу о том, что реформа ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации отражает общую гуманизацию уголовного судопроизводства. Законодатель сузил сферу применения ареста по делам средней тяжести, привязав его к насилию или угрозе его применения, что с одной стороны требует от правоприменителей применения иных, более мягких мер пресечения, при этом создает риск формализации и фактической привилегии общественно опасных, но ненасильственных деяний. Реализация новых уголовно-процессуальных норм требует соблюдения справедливости и равенства перед законом.

Обсуждение и заключение: внесенные в 2025 году изменения в ст. 108 УПК РФ представляют собой не эпизодическую процессуальную поправку, а элемент широкой политики гуманизации. Уже сточение критерия допустимости сужает риск произвольного применения заключения под стражу, но создает ситуацию, при которой субъекты, совершившие общественно опасные деяния без факта насилия, могут оказаться вне регуляторного поля, что может привести к беспрецедентной привилегии по

формальной структуре состава преступления. Реформа соответствует общему вектору гуманизации, но ее реализация может противоречить принципу справедливости.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; гуманизация уголовного процесса; меры уголовно-процессуального принуждения; меры пресечения; заключение под стражу; принцип справедливости

© Терехов А.Ю., Маламагамедова А.Р., 2026

Для цитирования: Терехов А.Ю., Маламагамедова А.Р. Пределы исключительности заключения под стражу: баланс между гуманизацией и справедливостью уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 2 (64). С. 120 – 125.

Scientific article
UDC 343.1

LIMITS OF EXCLUSIVITY OF DETENTION: A BALANCE BETWEEN HUMANIZATION AND FAIRNESS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Alexey Yuryevich Terekhov,

Moscow College of Industrial and Economics "PRUE named after G.V. Plekhanov", Moscow, Russia,
terekhov.au@gmail.com

Aida Ruslanovna Malamagamedova,

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia,

Abstract

Introduction: the article analyzes the institution of detention in view of the latest legislative changes aimed at humanizing it and limiting the use of non-violent crimes against persons. The authors analyze the provisions of Art. 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), judicial practice, as well as the positions of domestic scientists. It is concluded that there is a gradual transition from an expanded approach to the use of detention to stricter proportionality and the need to demonstrate the real public danger of the individual.

Materials and Methods: in the process of writing the article, a formal legal analysis, a comparative legal method and a systematic interpretation method were used to analyze the content of new criminal procedure norms and assess innovations in the context of the principles of criminal proceedings. Scientific publications were used as the main materials, the materials of investigative and judicial practice served as the empirical basis.

Literature review: issues of modernization of Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are reflected in the publications of Ashirbeokova M.T., Borkova V.N., Bulatova B.B., Gambarova A.A., Golovko L.V., Pavlova A.V. and other authors.

Results: the study leads to the conclusion that the reform of Art. 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation reflects the general humanization of criminal proceedings. The legislator narrowed the scope of arrest in cases of moderate severity, tying it to violence or the threat of its use, which, on the one hand, requires law enforcement officers to use other, milder preventive measures, while creating the risk of formalization and de facto privilege of socially dangerous, but non-violent acts. The implementation of the new criminal procedure rules requires fairness and equality before the law.

Discussion and Conclusions: changes made in 2025 to Art. 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is not an episodic procedural amendment, but an element of a broad policy of humanization. Tightening the criterion of admissibility narrows the risk of arbitrary use of detention, but creates a situation in which subjects who have committed socially dangerous acts without the fact of violence may be outside the regulatory field, which may lead to unprecedented privilege in the formal structure of the corpus delicti. Reform corresponds to the general vector of humanization, but its implementation may contradict the principle of justice.

Keywords: criminal proceedings; humanization of the criminal process; measures of criminal procedure coercion; preventive measures; detention

© Terekhov A.Yu., Malamagamedova A.R., 2026

For citation: Terekhov A.Yu., Malamagamedova A.R. Limits of Exclusivity of Detention: a Balance Between Humanization and Fairness in Criminal Proceedings. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2026;17(2):120-125. (In Russ.).

Введение

Заключение под стражу традиционно занимает центральное место в системе мер пресечения, поскольку именно в нем наиболее остро проявляется конфликт между публичными интересами эффективного уголовного судопроизводства и конституционной ценностью свободы личности. Институт этот едва ли когда-либо станет технически нейтральным; он продолжает оставаться предметом как научного интереса, так и острых процессуальных споров между стороной защиты и обвинения. На протяжении длительного времени, несмотря на нормативно закрепленную необходимость применения данной меры лишь при невозможности достижения целей судопроизводства более мягкими средствами, правоприменительная практика демонстрировала устойчивую инерцию обвинительного подхода. В связи с этим реформу 2025 года следует воспринимать как попытку законодателя перейти от рекомендательной формулировки к более жесткому нормативному фильтру.

Обзор литературы

О проблемах уголовно-процессуального осмысления реформы института меры пресечения высказались Л.В. Головкин, М.Т. Аширбекова и А.А. Гамбарова, В.Н. Борков, Б.Б. Булатов, А.В. Павлов.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили действующая редакция статьи 108 УПК РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», а также положения Конституции Российской Федерации. Эмпирическую основу составили аналитические обзоры следственной и судебной практики.

В качестве специальных методов применены формально-юридический анализ для уяснения точного содержания обновленных норм, сравнительно-правовой метод для сопоставления предшествующей и актуальной редакции рассматриваемой нормы, а также метод системного толкования, позволивший оценить нововведения в контексте общих принципов уголовного судопроизводства.

Результаты исследования

В научной литературе после февраля 2025 года заключение под стражу укрепилось уже не просто в качестве самой строгой меры пресечения, а все больше как самостоятельный институт, вокруг которого обострились вопросы гуманизации соразмерности и реальной исключительности применения. Очевидно, что изменения, внесенные в ст. 108 УПК РФ, были обусловлены стремлением сузить практику чрезмерного использования заключения под стражу и привязать его к более жестким материально-правовым условиям. При этом, есть понимание того, что, если у правоприменителей сохранится инерция прежнего обвинительного уклона, одних лишь законодательных изменений будет недостаточно.

Ключевой научный и практический сдвиг связан с федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ, которым статья 108 УПК РФ была существенно скорректирована в направлении гуманизации. Законодателем введено качественное ограничение круга дел, подпадающих под действие нормы, что неизбежно привело к существенному сокращению числа уголовно-правовых ситуаций, в которых данная процессуальная мера может быть использована.

До реформы 2025 года при избрании меры пресечения уполномоченные лица опирались, в первую очередь, на оценку процессуальных рисков: риск сокрытия лица от органов предварительного расследования и суда, риск воспрепятствования расследованию, риск продолжения преступной деятельности. Последние изменения рассматриваемой уголовно-процессуальной нормы установили дополнительный барьер – признак применения насилия (угроза его применения) при совершении преступления средней тяжести. За последние годы уровень одобренных судебных решений по вопросам избрания меры пресечения оставался сравнительно высоким и демонстрировал устойчивость. В частности, в период с 2020 по 2024 гг. общее количество лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, примерно сохранялось на одном уровне (2020 г. – всего 84917, из них за преступления средней тяжести 17351; 2021 г. всего 87905, из них за преступления средней тяжести 17242; 2022 г. всего 87687, из них за преступления средней тяжести 17101; 2023 г.: всего 82480,

из них 13921; за 2024 г. всего 82514, из них за преступления средней тяжести 12592¹.

В соответствии с актуальными положениями ст. 108 УПК РФ при избрании меры пресечения в уголовном процессе, наряду с характеристиками деяния, прежде всего его тяжестью, следует неизбежно учитывать и личностно-ситуационные обстоятельства обвиняемого (подозреваемого). В содержательном измерении такой учет предполагает системный анализ факторов, которые способны существенно модифицировать процессуальные риски и влиять на соотношение мер принуждения и охраняемых публичных и частных интересов. К числу релевантных обстоятельств относятся, в частности, беременность женщины, осуществление лицом единоличного родительского ухода за детьми, несовершеннолетний возраст лица и наличие заболеваний, препятствующих содержанию под стражей.

Заключение под стражу долгое время избиралось слишком часто, как «процессуальный стандарт», а не как действительно исключительное средство, откуда возникает проблема расхождения между нормативной моделью и практикой ее реализации. Следовало обозначить и объективный аспект данного «перекоса» при избрании меры пресечения, таковым является низкая эффективность альтернативных мер пресечения.

Суд играет ключевую роль при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Современная доктрина справедливо подчеркивает, что суд не вправе механически воспроизводить доводы следствия. Суд обязан самостоятельно исследовать основания, по которым менее строгие меры пресечения признаны недостаточными для обеспечения надлежащего поведения подозреваемого (обвиняемого).

В научной литературе делается вывод о том, что «новеллы предполагают при избрании меры пресечения более внимательное отношение не только к категории, но и к виду преступления, в совершении которого лицо обвиняется или подозревается. По логике законодателя, вероятность противодействия следствию со стороны лиц, склонных к насильственным посягательствам, а также преступлениям против безопасности общества и государства, выше, чем со стороны предпринимателей, совершивших экономические преступления» [1, с. 169].

М.Т. Аширбекова и А.А. Гамбарова также отмечают, что изменения, внесенные в ст. 108 УПК РФ, направлены на гуманизацию законода-

тельства путем ограничения применения меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступлений ненасильственного характера...» [2, с. 192].

Однако, если вопрос избрания меры пресечения в виде заключения под стражу сводить преимущественно к формальному критерию категории преступления, а именно к признаку насилия или угрозы его применения, то значительная часть общественно опасных деяний, совершенных без применения насилия, оказывается исключенной из сферы возможного применения данной меры. Это приводит к тому, что в отношении ряда преступлений, представляющих серьезную общественную опасность для общества и государства, избрание заключения под стражу становится юридически невозможным, даже при наличии иных объективных оснований.

Руководствуясь принципом справедливости, законодатель в итоге эту справедливость нарушает, фактически разделяя преступность на «беловоротничковую» и «уличную», формируя некую «сословность» в данном вопросе. Здесь затрагивается фундаментальный вопрос равенства перед законом, провозглашенный ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Л.В. Головкич обнажает эту процессуальную несправедливость, подчеркивая, что «дескать, если человек совершил преступление по корыстным мотивам, в духе многими ныне любимой фразы «ничего личного, только бизнес», то ему можно почти все простить, ведь он нам социально близок, хорошо одет, носит «белый воротничок» и т.п., а вот злым уличным хулиганам «из народа» мы ничего прощать не будем» [3].

Таким образом, в центре научной дискуссии оказывается фундаментальный вопрос о равенстве перед законом и справедливости нормативной модели, которая, руководствуясь принципом гуманизма, рискует создать новые формы процессуальной дискриминации. Новая норма усилила роль категории преступления и наличия насилия как обязательного условия для преступлений средней тяжести, но возникает вопрос, насколько такая «формула» (категория преступления плюс признак насилия) действительно обеспечивает индивидуализацию решения. Законодатель существенно сузил границы применения рассматриваемой меры, но не снял вопросы о справедливости и пропорциональности применения данной меры.

¹ Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство применение мер пресечения. URL: <https://stat.api-прещ.рф/stats/t/13/s/14СУ> (дата обращения: 16.01.2026).

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование показывает, что реформирование ст. 108 УПК РФ в 2025 году не сводится к частной корректировке процессуальной нормы, а отражает более широкий поворот уголовно-процессуальной политики в сторону гуманизации и усиления принципа исключительности заключения под стражу. При этом процесс гуманизации не устраняет фундаментального конфликта между защитой свободы личности и необходимостью обеспечения задач уголовного судопроизводства.

Сравнительный анализ редакций рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод о том, что законодатель сознательно ограничил сферу применения заключения под стражу по делам о преступлениях средней тяжести, связав ее не только с категорией деяния, но и с наличием насилия

либо угрозой его применения. Усилив фильтр допустимости применения данной нормы, законодатель одновременно создал риск чрезмерной формализации: при доминировании одного признака – насилия – за пределами регулирования могут оказаться деяния, обладающие высокой общественной опасностью, но не сопровождающиеся физическим насилием. Такой подход может привести к созданию «привилегированной» части подозреваемых (обвиняемых), исключительно в силу юридической конструкции состава преступления.

В заключение еще раз хочется отметить, что реформирование института заключения под стражу является шагом в общем векторе гуманизации уголовного судопроизводства, но его реализация должна базироваться на принципах справедливости и всеобщего равенства перед законом и судом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борков В.Н., Булатов Б.Б., Павлов А.В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 2 (97). С. 165–170.
2. Аширбекова М.Т., Гамбарова А.А. О некоторых новеллах УПК РФ в аспекте направлений уголовной политики при избрании заключения под стражу // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. С. 191–200.
3. Головкин Л.В. Будущее российского уголовного процесса создается в зоне СВО // Уголовный процесс. 2026. № 2. URL: <https://e.ugpr.ru/1172110>.

REFERENCES

1. Borkov V.N., Bulatov B.B., Pavlov A.V. Novelty in legislation on the appointment of a measure of restraint in the form of detention of a suspect (accused) // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 31, № 2 (97). S. 165–170.
2. Ashirbekova M.T., Gambarova A.A. O nekotoryh novellah UPK RF v aspekte napravlenij ugolovnoj politiki pri izbranii zaklyucheniya pod strazhu // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2026. S. 191–200.
3. Golovko L.V. Budushchee rossijskogo ugolovnogogo processa sozdaetsya v zone SVO // Ugolovnyj process. 2026. № 2. URL: <https://e.ugpr.ru/1172110>.

Информация об авторах:

Терехов Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель Московского промышленно-экономического колледжа «РЭУ имени Г.В. Плеханова», e-mail: terekhov.au@gmail.com

Маламагамедова Аида Руслановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Terekhov Alexey Yu., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Lecturer at the Moscow College of Industrial and Economics "PRUE named after G.V. Plekhanov", e-mail: terekhov.au@gmail.com

Malamagamedova Aida R., Candidate of Law (Research doctorate), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Терехов Алексей Юрьевич – определение общей концепции исследования, сбор и подготовка материалов, доработка и редактирование текста статьи, окончательное утверждение версии для публикации.

Маламагамедова Аида Руслановна – подготовка варианта текста, сбор и анализ эмпирических данных, их обобщение; поиск аналитических и статистических материалов в научных и справочных источниках.

Статья получена: 16.02.2026.

Статья принята к публикации: 29.06.2026.

Статья опубликована онлайн: 30.06.2026.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.